

Юнь Мэнцзэ и не помнил, когда в последний раз слышал простые слова «с днём рождения». Слегка изумившись, он спросил:

— Господин Фэн, откуда вы знаете, когда у меня день рождения?

Фэн Дунъюэ достал из кармана небольшую коробочку, перевязанную аквамариновой шёлковой лентой, и протянул ему:

— За это стоит поблагодарить мою предыдущую личность — ту, что была к вам столь равнодушна.

Тот сумасбродный альтер-эго, фонтанировавший безумными выходками, цеплялся за всё, что касалось Юнь Мэнцзэ. Разве мог он упустить такой поворот?

Мэнцзэ принял подарок и аккуратно снял обёртку. Внутри оказалась изящная шкатулка в винтажном стиле. Потянув за крышку, он увидел на подложке из мягкого бархата красивый, переливающийся самоцвет.

— Что это?

— Камень-хранитель, — негромко ответил Фэн Дунъюэ.

Юнь Мэнцзэ бережно спрятал подарок, поднялся и благодарно кивнул:

— Спасибо. Вам не стоило так тратить.

— Ничего дорогого, просто знак внимания, — ровным голосом отозвался Фэн Дунъюэ. — Должен же я отблагодарить вас за заботу.

Юнь Мэнцзэ отдал должное его чуткости. Преподнеси тот какую-нибудь кричащую роскошь, Мэнцзэ не раздумывая отказался бы. А вот столь изысканная, хоть и неброская вещь не вызывала неловкости, напротив — казалась весьма любопытной.

— Вы мой пациент, так что это моя обязанность, — улыбнулся доктор Юнь. — Кстати... ситуация с Шэнь Сяньчжэ? У вас не возникнет из-за неё проблем?

— Не беспокойтесь, я со всем разберусь.

Взглянув на часы и поняв, что время поджимает, Юнь Мэнцзэ попрощался и отправился к себе.

Фэн Дунъюэ набрал Ли Юя, чтобы узнать, как продвигаются дела с Шэнь Сяньчжэ. Помощник Ли, опасаясь, что вернувшийся в норму босс сгоряча отменит приказ, слил прессе лишь малую часть компромата. Шэнь Сяньчжэ хоть и крутился теперь как уж на сковородке, всё же сохранял шансы выкрутиться.

Выслушав доклад, Фэн Дунъюэ сдержанно уронил:

— Сделай так, чтобы этот тип больше не попадался на глаза ни доктору Юню, ни мне.

— Понял вас.

Завершив разговор, Фэн Дунъюэ ещё немного задержался у скамейки. Он поднял руку и застыл, пристально разглядывая свой большой палец. Нежные прикосновения — то ли от крема, то ли от бархатистой кожи Юнь Мэнцзэ — всё ещё отзывались на подушечках пальцев фантомным теплом.

Тихий праздник остался позади, и Юнь Мэнцзэ снова погрузился в работу. На столе лежала история болезни Гуань Туна. Просматривая записи, доктор в очередной раз поймал себя на мысли, что парень почти никогда не раскрывался на сеансах: сведения приходилось собирать по крупицам из рассказов его окружения.

И хотя сухие формулировки обходили стороной такие страшные понятия, как «домашнее насилие» или «травля», между строк чётко угадывалось: детство и юность дались Гуань Туну нелегко.

Отец воспитывал его криками и побоями. В четвёртом классе мальчик потерял мать — она умерла от болезни, и без того тихий, замкнутый ребёнок окончательно ушёл в себя.

Учителя средней школы отзывались о нём так же, как и преподаватели младших классов: рассеян, учится плохо, дичится сверстников, в жизни класса не участвует, друзей не имеет. Стоило кому-то заговорить с ним, как он тут же вбирал голову в плечи и молчал. Упоминалось, что одноклассники порой подшучивали над ним, но педагоги сбывали это с рук, считая банальными безобидными шалостями.

Перелом наметился в третьем классе средней школы. Парень всё ещё оставался трусливым, но уже делал робкие попытки идти на контакт. К первому классу старшей школы он окончательно оттаял: хоть успеваемость и оставалась посредственной, Гуань Тун старался изо всех сил, охотно участвовал в мероприятиях и даже обзавёлся парочкой приятелей.

Казалось, жизнь налаживается, однако во втором классе произошёл катастрофический срыв. Подросток начал прогуливать занятия, ввязываться в перепалки с ровесниками, дерзить

учителям, а затем и вовсе явился в школу в женском платье. Насмешки, косые взгляды и строгие выговоры его ничуть не трогали; более того, он несколько раз вступал в жестокие драки, изменившись до неузнаваемости.

В медицинских картах Юнь Мэнцзэ нашёл заключение предыдущего психиатра: Гуань Тун ещё в раннем детстве питал пристрастие к женской одежде и косметике, правда, раньше предавался этому втайне от всех. Сам юноша открыто признавал, что сознаёт свой мужской пол, но испытывает яркое возбуждение только тогда, когда примеряет женские вещи. Врач счёл демонстративное и уродливое поведение в старшей школе проявлением подросткового бунта с целью привлечь к себе внимание.

Таким образом, в глазах окружающих Гуань Тун оставался типичным больным с фетишистским трансвеститским расстройством. Подобное заболевание не поддаётся медикаментозному лечению; обычно врачи прибегают к когнитивной и поведенческой терапии, чтобы помочь пациенту взять себя под контроль.

К юноше уже применяли методы реципрокного ингибирования и аверсивной терапии: резиновые жгуты на запястьях, разряды тока, рвотные средства... Увы, безрезультатно.

О попытках самоубийства в документах не было ни слова, однако жуткие шрамы на его запястьях говорили сами за себя. Не исключено, что именно с этим и был связан резкий перелом в его характере.

Когда предыдущий сценарий психодрамы завершился, режиссёр Бай Мо с недоумением заметил: судя по игре Гуань Туна, тот словно бы никогда и не сталкивался с травлей. Он не просто остался равнодушен к происходящему на сцене, но и, похоже, искренне наслаждался спектаклем.

Однако Юнь Мэнцзэ был убеждён: парень перенёс это на собственной шкуре. Просто и в жизни, и на сцене он прятался в непробиваемый панцирь, а всё, что видели окружающие, являлось лишь тщательно продуманной маской.

Бай Мо предложил сменить формат следующей постановки. Юнь Мэнцзэ склонялся к тому, чтобы отталкиваться от личности самого пациента, воссоздавая привычную ему бытовую обстановку для вызова искренней реакции. Бай Мо же предпочитал брать за основу классические архетипические сюжеты, анализируя поведение с позиции коллективного бессознательного Юнга.

Мэнцзэ рассудил, что сменить подход действительно стоит: вырвавшись из привычных декораций, Гуань Тун, возможно, быстрее ослабит защиту.

Неделя выдалась сумбурной, но доктор всё же выкроил время и съездил в школу, где учился юноша. Учителя и школьники охотно ответили на вопросы, но связи Гуань Туна с окружающими были настолько поверхностными, а тема буллинга — слишком скользкой, так что добыть ценных сведений не удалось.

Вернувшись в санаторий, Мэнцзэ продолжал прокручивать эти мысли в голове. На улице его взгляд случайно зацепился за Фэн Дунъюэ и Ли Юя. Солнце, видимо, сильно слепило глаза, поэтому Фэн Дунъюэ нацепил тёмные очки. Заметив доктора, он приветливо взмахнул рукой.

В последние дни авторитетный босс вёл себя смирно и не устраивал никаких безумств, что не могло не радовать. Юнь Мэнцзэ вежливо кивнул ему с улыбкой и ушёл к себе в кабинет.

Фэн Дунъюэ проводил его долгим взглядом, а затем подхватил со скамьи опавший лист. Кленовое золото впитало осеннее солнце и слетело с родной ветви в самый яркий, зрелый свой миг — совсем как пылкая любовь, прекрасная и трагичная.

Ли Юй приехал в санаторий, чтобы доложить о разборках с Шэнь Сяньчжэ и делах компании, а заодно подsunуть боссу пару бумаг на подпись. Он тараторил на лужайке уже добрых минут пятнадцать, когда до него наконец дошло: шеф банально витает в облаках.

Фэн Дунъюэ вертел в пальцах багряно-золотой листок с таким видом, будто на нём был записан смысл жизни. Не понимая, что там можно разглядывать с таким усердием, Ли Юй откашлялся:

— Господин Фэн, земля в Дунчэне хоть и стоит ощутимо выше наших первоначальных оценок, совет директоров свято верит в её перспективность. Что скажете?..

— А, забирайте, — невпопад роздал Фэн Дунъюэ. — Поступай на своё усмотрение.

Ли Юй лишился дара речи.

«На своё усмотрение?! Мы землю покупаем или посылку на почте забираем?!»

Мгновение назад Юнь Мэнцзэ подарил ему улыбку. В ту же секунду к чертям полетели и земли, и бюджеты, и совет директоров. За какую-то долю мгновения Фэн Дунъюэ успел распланировать всю их будущую жизнь: от выбора совместного дома и обстановки в гостиной до количества кошек и собак, которых они заведут. И одну из них обязательно будут звать Мэнмэн.

Парные полотенца, пижамы, домашние тапочки... Двойные комплекты зубных щёток и бритвенных станков в ванной... От этих мыслей в груди разливалась сладостная нежность.

Горячие подушечки пальцев Фэн Дунъюэ скользнули по резному краю листа, точно вырисовывая его прожилки.

— Помощник Ли, у тебя есть пара?

Ли Юй, проработавший на Фэн Дунъюэ не один год, впервые услышал от шефа вопрос на

личную тему. Помявшись, он осторожно ответил:

— Было три девушки. Но вот уже полгода как свободен.

Все трое сбежали от него с одной и той же формулировкой: «Ты женат на своей работе и своём боссе». Вспоминать об этом было искренне горько.

Фэн Дунъюэ погрузился в раздумья:

— И что же ты дарил им, когда признавался в чувствах?

Ли Юй напряг память:

— Цветы, браслеты, кулоны... На праздники дарил украшения, парфюмерию, наборы косметики...

— Слишком банально и поверхностно, — покачал головой Фэн Дунъюэ. — Цена подарка не имеет значения. Главное — показать чуткость и искренность.

— Так точно, — согласился Ли Юй. Всю свою чуткость и искренность он давно спустил на отчёты, так что выдумывать велосипед ему было попросту некогда.

Фэн Дунъюэ задумчиво взял паузу, после чего выдал:

— А если преподнести в подарок остров? Как тебе идея?

Ли Юй снова онемел.

«М-да, цена и впрямь не имеет значения...»

— Лучше два острова, соединяющихся между собой, — не замечая шока подчинённого, продолжал Фэн Дунъюэ. — Отрезанные от внешнего мира, сплетённые в единое целое.

Каждый человек — одинокий остров в безбрежном океане. Но если два клочка суши сливаются воедино, они становятся единственной опорой друг для друга во всей Вселенной. Один остров можно назвать «Юэ», а второй...

При этой мысли Фэн Дунъюэ невольно улыбнулся, и взгляд его наполнился глубокой нежностью. Он построит на острове парк развлечений, прокатит любимого на колесе обозрения, встречая закат над морем; они будут подниматься на горные вершины за первыми лучами солнца и гулять по аллеям, меняющим изумрудную зелень на золотое убранство, пока

он станет шептать на ушко слова любви, чистые и светлые, словно горный ручей...

Увидев этот мягкий, блаженный оскал, Ли Юй окончательно понял: у босса опять случился рецидив. Спасая капитал шефа от тотального разорения, помощник быстро проговорил:

— Думаю, на первых порах не стоит действовать слишком размашисто, иначе можно просто перепугать человека. Куда лучше зайдёт что-то душевное, не давящее своими масштабами.

Фэн Дунъюэ прикинул его слова:

— Пожалуй, ты прав. Спугнуть его было бы скверно... Тогда что порекомендуешь?

Ли Юй мысленно вздохнул: хоть фантазии босса и витали в эмпиреях, в этот раз он хотя бы поддавался убеждению.

— Цветы, хороший шоколад или элитное вино — проверенная классика.

Фэн Дунъюэ помялся, а потом его будто осенило:

— А если сделать что-то своими руками? Что-то, связанное с общими воспоминаниями? Разве это не будет куда душевнее?

Ли Юй с сомнением кивнул:

— Ну... пожалуй.

Фэн Дунъюэ понимал, что никогда не умел выражать чувства словами. В прошлые времена он так и не открылся любимому, о чём жалел всю оставшуюся жизнь. Но он помнил каждую его привычку, каждую мелочь, каждый прожитый вместе миг. И если что-то и способно было доказать искренность его порывов, то лишь то, что принадлежало исключительно им двоим.

Лицо Фэн Дунъюэ просияло — решение было принято.

Ли Юй не мог прочесть его мыслей, но его охватило смутное предчувствие: доктору Юню снова придётся несладко.

<http://bllate.org/book/20119/1991979>